

Л.И.Дворецкий

НЕДУГИ ВЕЛИКИХ

Москва

УМНЫЙ ДОКТОР

2017

УДК 616.1/9
ББК 54.1:63.3-8
Д24

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в любой форме и любыми средствами без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Дворецкий Л.И.

Д24 Недуги великих / Л.И.Дворецкий. – М.: Умный доктор, 2017. – 528 с. : ил.
ISBN 978-5-9908600-1-8

Предлагаемая читателю книга представляет собой уникальный труд врача, рассматривающего медицину как часть человеческой культуры. Автор обсуждает характер заболеваний и возможные причины смерти известных музыкантов, художников, писателей. Медицинские мотивы в книге тесно переплетаются с социально-историческими событиями различных эпох и темой взаимосвязи психофизического состояния мастеров с их творческой идеологией. На страницах книги читатель найдет немало интересных сведений о состоянии медицины прошлых веков, об известных медиках, участвовавших в лечении знаменитых творческих личностей. Размышления автора о судьбах и недугах великих сохраняют интригу, предоставляя читателю возможность участвовать в обсуждении характера их заболеваний и строить ассоциации с их творчеством.

Книга адресована врачам различных специальностей, а также всем, кого интересуют проблемы креативности и творчества.

УДК 616.1/9
ББК 54.1:63.3-8

ISBN 978-5-9908600-1-8

© Дворецкий Л.И., 2017
© Оформление, оригинал-макет.
ООО «Умный доктор», 2017

Содержание

Болезнь короля фортепианного замка

О болезни и смерти Фредерика Шопена 4

Еще раз о Моцарте и Сальери 31

Неуслышанная симфония

Музыкальный мир глухого Бетховена 70

Проколотое сердце Густава Малера. 88

Погасший огонь Прометея

Роковая инфекция Александра Скрябина. 109

Праздничный художник

О болезни и творчестве Б.М.Кустодиева 125

Последние мазки Огюста Ренуара 159

Врубель поверженный 180

Болезнь и смерть Эдуарда Мане 211

Сожженная душа писателя

Загадки болезни и тайна смерти Н.В.Гоголя 231

Смерть русского скитальца 301

Болезнь Оскара Уайльда 361

Дело Максима 383

Задыхающийся Блок

О болезни и смерти А.А.Блока 443

Болезнь и смерть Мастера

О болезни Михаила Булгакова 489

Болезнь короля фортепианного замка

О болезни и смерти Фредерика Шопена

Гений Шопен – это самый глубокий
и самый богатый источник чувств и эмоций
из всех когда-либо существовавших.
Один инструмент говорит у него языком вечности.

Жорж Санд

Относительно заболевания Фредерика Шопена и причин его смерти теперь не существует единого мнения, и кажется, у незыблемой на протяжении долгого времени «чахоточной» концепции его болезни теперь появились альтернативы. За более чем 150 лет, которые прошли после смерти композитора, значительно расширился круг заболеваний, поражающих легкие. Об этих заболеваниях врачи прошлого ничего не знали, приписывая многие симптомы только известным им в то время болезням. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что некоторые врачи, наблюдавшие Шопена, сомневались или не подтверждали диагноз туберкулеза легких еще при жизни композитора. И вот в 1984 году один из патобиографов многих музыкантов, австралийский практикующий врач O'Shea, высказал гипотезу о том, что Шопен страдал кистозным фиброзом (муковисцидозом).

Для медиков представляет интерес попытка проанализировать течение болезни Шопена с позиций современных данных об известной сегодня разнообразной легочной патологии. Имеющиеся в распоряжении документы, в частности письма самого композитора и его

Фредерик Шопен
(1833 г.)

друзей, воспоминания современников дают уникальную возможность проанализировать и оценить особенности течения заболевания великого композитора.

Уже с раннего возраста, начиная приблизительно с 10 лет, было заметно, что у мальчика хрупкое телосложение и истощенность, которые в последующем отмечались на протяжении всей жизни Шопена. В 1840 году, за девять лет до смерти, его вес составлял всего 45 кг при росте 170 см. Фактически с 15-летнего возраста у него постоянно наблюдалась легочная симптоматика, главным образом в виде кашля. По свидетельству близко с ним знакомого Ференца Листа, признаки заболевания отмечались в последние годы его детства. Он так описывает молодого композитора: «...больной и слабый; внимание его семьи было сосредоточено на его здоровье. Мальчик действительно казался больным, но всегда старался улыбаться и всем казался счастливым». Врачи предписывали ему регулярно есть овсяную кашу, пить желудечный отвар, воздерживаться от ржаного хлеба, часто бывать на свежем воздухе и много спать. Неизвестно, как трактовалась имеющаяся легочная симптоматика и были ли тогда на-

Ференц Лист

рушения со стороны желудочно-кишечного тракта. Не исключено, что рекомендации есть овсяную кашу и воздерживаться от употребления ржаного хлеба могли быть связаны именно с такими нарушениями. Ф.Лист также подчеркивает недостаточное развитие мускулатуры у Шопена, что могло свидетельствовать о раннем истощении. Тот же Ф.Лист, увидевший Шопена в Париже в 1830 году, пишет о нем, что «...жесты его были изящны и выразительны, тембр голоса глуховатый, иногда он почти задыхался... Весь его облик напоминал цветок вьюнка, покачивающийся на необычайно тонком стебле венчики чудесной расцветки». Отмеченный Листом глуховатый голос мог быть связан как с хроническим воспалением голосовых связок (ларингит), так и с поражением придаточных пазух носа, нарушающим резонаторную функцию.

Большинство основных биографов композитора считают, что уже в 1830 году, т.е. к 19-летнему возрасту, у Шопена наблюдались очевидные признаки болезни, однако в письмах к родным сам композитор и его друзья не раскрывали истинное его состояние, чтобы не волно-

Еще раз о Моцарте и Сальери

Ты, Моцарт, бог,
И сам того не знаешь...
А.С.Пушкин

С именем Моцарта и его музыкой каждый из нас живет с детства на протяжении уже более двух веков. Но с некоторых пор рядом с Моцартом появляется образ человека, который для многих стал известен и невольно прославился именно благодаря Моцарту. Впрочем, такой славы не пожелаешь никому. Ведь он обвинялся в убийстве своего друга и коллеги по музыкальному цеху. Этой славы с легкой руки А.С.Пушкина удостоился венский композитор Антонио Сальери, заклеянный как бесталанный неудачник, завистник, злодей и даже отравитель. Неудивительно, что долгое время упоминание имени Сальери невольно рождало только осуждение и гнев за подлое убийство гения.

В итоге сформировались два антипода, два полярных образа с соответствующим отношением к каждому. Про Моцарта все говорят с восторгом, образ его окрашен исключительно светлыми тонами, в то время как Сальери достаются лишь проклятья. Музыка Моцарта на слуху у всех, он кладезь творчества. А слышал ли кто-нибудь произведения Сальери? Да и вообще, что мог написать этот неудачник? Имя Сальери превращается почти в на-

Вольфганг Амадей
Моцарт
(1756–1791)

Антонио
Сальери
(1750–1825)

рицательное и постепенно становится синонимом мучительной зависти и злодейства. У юристов и психиатров появляется даже термин «синдром Сальери» – преступление, совершенное на почве профессиональной зависти.

Итак, Моцарт – бог, Сальери – дьявол. Такова легенда, долго не оставлявшая ни у кого, в том числе и у известных музыковедов, сомнений относительно соперничества Моцарта и Сальери, относительно причины смерти Моцарта. Но как бы ни были живучи легенды, рано или поздно их, казалось бы, незыблемый фундамент постепенно рушится, происходит переоценка ценностей, не находят достоверного подтверждения прежние версии, появляются новые неопровержимые факты, коренным образом меняется трактовка событий. Ведь понадобилось же более двух столетий, чтобы разрушить или по крайней мере сильно поколебать легенду о «союзе, связующем Моцарта и Сальери», об их взаимоотношениях, о месте, занимаемом каждым из них в обществе, и наконец о тяжком грехе одного и жертве другого.

Придется начать с самого начала. Если после смерти Моцарта ходили лишь слухи о его отравлении, то с по-

явлением пушкинского «Моцарта и Сальери» эти слухи переросли в легенду. Были ли основания у А.С.Пушкина для подобной трактовки событий, разыгравшихся в Вене в декабре 1791 года? В примечаниях к «Моцарту и Сальери» А.С.Пушкин приводит следующий эпизод: «В первое представление “Дон Жуана”, в то время, когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта, раздался свист – все обратились с изумлением и негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы – в бешенстве, снедаемый завистью». Интересно, что ссылка на источник подобной информации отсутствует и, по мнению многих, такой источник до сих пор не найден. Но даже если и допустить существование такового, необходимо прежде всего иметь в виду, что Сальери занимал важный пост при императорском дворе, обязывавший соблюдать определенные этические и дипломатические нормы публичного поведения. Поэтому вообразить подобную хулиганскую выходку первого придворного капельмейстера – свист в Императорском оперном театре – невероятно. Тем не менее Пушкин считает, что «...завистник, который мог освистать “Дон Жуана”, мог отравить его творца». Довольно смелое умозаключение. Ведь от освистывания до отравления дистанция огромного размера. И не каждый, какой бы завистью он не был снедаем, может ее преодолеть. Теперь обратимся к установленным фактам.

Как известно, премьера «Дон Жуана» Моцарта состоялась в 1787 году в Сословном театре в Праге. Этот театр, отмеченный выдающимся событием более чем двухвековой давности, стоит и поныне на том же месте, а возле него внимание туристов привлекает мемориальная скульптура, посвященная премьере «Дон Жуана».

Юный Моцарт. Портрет 1763 г.
(предположительно, работы Пьетро
Лоренцони)

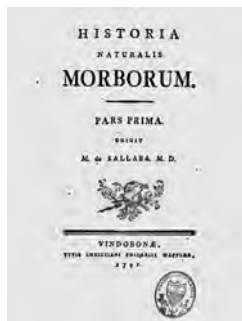
Хайбель, он «из-за нарывов не мог двигаться и поворачиваться», и они сшили ему ночную рубашку, которую можно было надевать спереди. Другим признаком заболевания была выраженная потливость, из-за которой, по видимому, жена Моцарта и ее сестра уже с самого начала болезни поспешно сшили несколько ночных сорочек.

При анализе заболевания Моцарта и методов его лечения следует отдавать себе отчет в уровне медицины того времени, в частности о представлении лечащих Моцарта врачей о характере известных им болезней. Так, доктор Заллаба, лечивший Моцарта вместе со своим другом Клоссетом, опубликовал в год смерти композитора труд, в котором подробно описаны отеки, связанные с заболеваниями почек и суставной патологией. Вот что он пишет о водянке как следствии заболевания сердца или почек: «Болезнь встречается чрезвычайно часто... Страдающие водянкой долгое время жалуются в основном на сухость в горле и во рту, на неутолимую жажду, сухость кожи и уменьшение выделения мочи. Заболевание охватывает все тело, но часто и одну его часть. Тело становится рыхлым, в основном в свисающих частях, нижней части голе-

ни, ногах. Если надавить отек пальцем, остается ямка, которая затем снова заполняется. Также опухают веки глаз. Температура незначительная». Как видно, ничего общего с клинической картиной последнего заболевания Моцарта. О том, каким было представление доктора Заллабы о ревматической лихорадке, сообщает А.Ноймайр: «Ревматическая лихорадка редко проявляется как обычная. В большинстве случаев она захватывает определенный орган, внутренний или наружный. Предпочтительными могут быть жилистые части или перепонки, а именно связки или суставы; особенно поражаются коленные и локтевые суставы. После того как ревматизм захватывает одно определенное место, возникают сильные боли, которые быстро распространяются и почти превосходят возможности и терпение человека. Особенно они усиливаются при малейшем движении тела или прикосновении к болезненным частям. Болезнь связана с отеками, которые достаточно обширны, суставы воспалены и отличаются покраснением кожи, что свидетельствует о подлинной флегмоне. Воспаление переходит с одного места, которое было захвачено вначале, на другое спонтанно, при наложении холодных аппликаций или при применении противовоспалительных средств. Часто оно переходит на внутренние органы, прежде всего на голову или грудь, и перерезает жизненные нити, поэтому является обычно причиной смерти, к которой и ведет эта болезнь».

Почти через 100 лет после смерти Моцарта в «Учебнике практической медицины внутренних болезней» Г.Эйхгорста было написано: «Постоянным симптомом являются боли, которые спонтанно появляются даже в спокойном состоянии и могут значительно усиливаться при незначительном движении... Больные, если у них

Титульный лист книги
Матиаса фон Заллабы
«Естественная история болезней»
(1791 г.)

затронуты многие суставы, производят впечатление совершенно беспомощных... Необходимые изменения положения вызывают мучительные боли, например при дефекации или если нужно перестелить постель... чрезвычайно характерна для болезни склонность к обильному потоотделению. Постоянно выделяется пот со специфическим кисловатым запахом, хотя при этом температурные колебания не играют такой роли, как при других инфекционных болезнях».

Если обратиться к современным описаниям ревматической лихорадки, то оказывается, что они почти полностью соответствуют описанию, данному доктором Заллабой более двух веков назад (!), и что диагноз, поставленный Моцарту, уже тогда основывался на знаниях клинической картины и течения этого заболевания.

Во времена Моцарта при соответствующих санитарно-гигиенических условиях острая ревматическая лихорадка встречалась гораздо чаще и протекала значительно тяжелее, нередко приводя к летальному исходу. В XVIII веке смерть от подобного заболевания не была редкостью. Известный либреттист Лоренцо Да Понте, автор либретто

Вместо заключения, которое сделать довольно трудно, хочется привести строки поэта, написанные им еще в 1910 году и ставшие как бы пророческими. Ведь рассказ о поэте лучше всего заканчивать его стихами:

Я коротаю жизнь свою
Мою безумную глухую:
Сегодня – трезво торжествую,
А завтра – плачу и пою.
Но если завтра гибель предстоит?
Но если за моей спиною
Тот – необъятною рукою
Покрывший зеркало – стоит?
Блеснет в глаза зеркальный свет
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращения нет.

А.Блок. 27 сентября 1910 г.

Болезнь и смерть Мастера

О болезни Михаила Булгакова

Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.

*Анна Ахматова «Памяти А.М.Булгакова»
(1940)*

В марте 1940 года в своей московской квартире ныне не существующего дома в Нащокинском переулке (бывшая ул. Фурманова, 12) тяжело и мучительно умирал Михаил Афанасьевич Булгаков. За три недели до смерти, ослепший, измученный нестерпимыми болями, он прекратил редактировать свой знаменитый роман «Мастер и Маргарита», который сюжетно был уже закончен, хотя внутренне оставался не вполне завершенным.

В материалах, касающихся жизни Булгакова, имеется поражающий воображение факт. Здоровый и практически не болевший писатель предсказывает свой конец. Более того, он называет не только год, но и приводит обстоятельства смерти, до которой было еще добрых полдюжины лет и которую тогда ничто не предвещало. «Имей в виду, – предупредил он свою новую избранницу Елену Сергеевну, – я буду очень тяжело умирать, дай мне клятву, что ты не отдашь меня в больницу, а я умру у тебя на руках». Эти слова настолько врезались в память будущей жены, что через тридцать лет она без запинки привела их в одном из писем к живущему в Париже родному брату писателя, которому писала: «Я нечаянно улыбнулась, –

это был 32-й год, Мише было 40 лет с небольшим, он был здоров, совсем молодой...». С такой же просьбой, а скорее мольбой тяжелобольного не отправлять его в больницу, он уже обращался к своей первой жене, Татьяне Лаппа, в страшное для них обоих время наркотической зависимости писателя в 1915 году. Но тогда это была уже реальная ситуация, с которой, к счастью, удалось с помощью жены справиться, избавившись навсегда от своего, казалось бы, неизлечимого недуга. А сейчас ничего не давало Булгакову повода для подобных предсказаний и требования клятв от своей новой жены. Быть может, это были всего-навсего мистификация или розыгрыш, столь характерные для его произведений и свойственные ему самому?! Время от времени он напоминал жене об этом странном разговоре, но Елена Сергеевна по-прежнему не принимала это всерьез, хотя на всякий случай регулярно заставляла его показываться врачам и производить анализы. Врачи не обнаруживали у писателя каких-либо признаков болезни, а проводимые исследования не выявляли никаких отклонений.

Между тем «назначенный» (словечко Елены Сергеевны) срок приближался. И когда он наступил, Булгаков «стал говорить в легком шутливом тоне про "последний год, последнюю пьесу" и т.д. Но так как здоровье его было в прекрасном проверенном состоянии, то все эти слова никак не могли восприниматься серьезно», – читаем в ее письме парижскому брату писателя. Не напоминает ли это ситуацию с героем «Мастера и Маргариты» Берлиозом, не воспринявшим серьезно предупреждение Воланда о своей скорой кончине?

Итак, что же случилось с Михаилом Булгаковым? Что за болезнь могла привести за шесть месяцев с момента

появления первых симптомов к смерти практически здорового, творчески чрезвычайно активного человека, постоянно проходившего до этого медицинские обследования, не выявлявшие никакой патологии? Однако здесь непременно следует оговориться. Результаты клинических и других методов исследования не выявляли признаков соматической патологии. Между тем, по воспоминаниям жены писателя, его современников и консультирующих врачей, у Булгакова длительное время наблюдались типичные признаки невротического состояния с тревожно-фобическими расстройствами. Так, в архиве М.А.Булгакова найден врачебный бланк со следующим медицинским заключением: «22/05 1934 года. Сего числа мною установлено, что у М.А.Булгакова имеется резкое истощение нервной системы с явлениями психостений вследствие чего ему предписаны покой, постельный режим и медикаментозное лечение. Тов. Булгаков сможет приступить к работе через 4–5 дней. Алексей Люцианович Иверов. Врач Московского художественного театра». О подобных невротических состояниях и попытках их лечения упоминает и сама Е.С.Булгакова в дневниках 1934 года:

«13-го мы выехали в Ленинград, лечились там у доктора Полонского электризацией».

«25 августа. М.А. все еще боится ходить один. Проводила его до Театра, потом – зашла за ним».

«13 октября. У М.А. плохо с нервами. Боязнь пространства, одиночества. Думает, не обратиться ли к гипнозу».

«20 октября. М.А. созвонился с Андреем Андреевичем (А.А.Аренд. – Л.Д.) по поводу свидания с доктором Берг. М.А. решил лечиться гипнозом от своих страхов».

«19 ноября. После гипноза – у М.А. начинают исчезать припадки страха, настроение ровное, бодрое и хорошая работоспособность. Теперь – если бы он мог еще ходить один по улице».

«21 ноября. Вечером – Берг. Внушал М.А., что завтра он пойдет один к Леонтьевым».

«22 ноября. В десять часов вечера М.А. поднялся, оделся и пошел один к Леонтьевым. Полгода он не ходил один».

В письмах к В.В.Вересаеву, тоже врачу по профессии, Булгаков признавался: «Болен я стал, Викентий Викентьевич. Симптомов перечислять не стану, скажу лишь, что на деловые письма перестал отвечать. И бывает часто ядовитая мысль – уж не совершил ли я, в самом деле, свой круг?»

Болезнь заявляла о себе крайне неприятными ощущениями «темнейшего беспокойства», «полной безнадежности, нейрастенических страхов».

Анализ течения болезни М.Булгакова, насколько это представляется возможным из эпистолярных источников и документальных материалов, свидетельствует о том, что заболевание, ставшее для писателя фатальным, манифестировалось лишь в сентябре 1939 года, то есть за шесть месяцев до его кончины. Именно с этого времени вел отсчет своей болезни и сам Булгаков, о чем говорил своей жене, записавшей в дневнике его слова 11 февраля 1940 года (за месяц до смерти): «...в первый раз за все пять месяцев болезни я счастлив... Лежу... покой, ты со мной... Вот это счастье...».

В сентябре 1939 года после серьезной для него стрессовой ситуации (отзыв писателя, отправившегося в командировку для работы над пьесой о Сталине) Булгаков решает уехать в отпуск в Ленинград. Он пишет соответ-

ствующее заявление в дирекцию Большого театра, где работал консультантом репертуарной части. И вот в первый же день пребывания в Ленинграде, прогуливаясь вместе с женой по Невскому проспекту, Михаил Афанасьевич вдруг почувствовал, что не различает надписей на вывесках. Подобная ситуация однажды уже имела место в Москве, до поездки в Ленинград, о чем сам писатель рассказывал своей сестре Елене Афанасьевне: «О первой замеченной потере зрения – на мгновение (сидел, разговаривал с одной дамой, и вдруг она точно облаком заволочлась – перестал ее видеть). Решил, что это случайно, нервы шалят, нервное переутомление».

Встревоженный повторившимся эпизодом потери зрения писатель возвращается в гостиницу «Астория», где поселились супруги. Срочно начинаются поиски врача-окулиста, и 12 сентября Булгакова осматривает ленинградский профессор Н.И.Андогский, который делает следующее заключение: «Острота зрения: пр. глаз 0,5; левый – 0,8. Явления пресбиопии. Явления воспаления зрительных нервов в обоих глазах, с участием окружающей сетчатки – в левом незначительно, в правом – более значительно. Сосуды значительно расширены и извиты. Очки для занятий. Пр. + 2,75 Д, лев. +1,75 Д. *Sol. calcii chlorati cristillisiti* 5 % –200,0. По 1 ст.л. 3 раза в день. 12.09.39. Проф. Н.И.Андогский, пр. Володарского, 10, кв. 8». «Ваше дело плохо», – заявляет профессор после осмотра больного, настойчиво рекомендуя немедленно возвращаться в Москву и сделать анализ мочи. Булгаков тут же вспомнил, а возможно, помнил об этом всегда, что тридцать три года тому назад, в начале сентября 1906 года внезапно начал слепнуть его отец, а спустя полгода его не стало. Через месяц отцу должно было исполниться со-

Заявление М.А.Булгакова о преждевременном возвращении из отпуска

рок восемь лет. Это был как раз тот возраст, в котором находился сейчас сам писатель. Будучи врачом, Булгаков, конечно, понимал, что нарушение зрения – всего лишь симптом той самой болезни, которая свела в могилу его отца и которую он получил, по-видимому, по наследству. Теперь-то, что когда-то казалось отдаленным и не очень определенным будущим, становилось реальным и жестоким настоящим. Неужто все предначертано свыше? И приближается тот роковой срок, определенный для себя самим писателем еще задолго до появления первых признаков болезни?

Расстроенные неожиданно возникшей ситуацией Булгаковы возвращаются в Москву. Писатель сообщает в администрацию Большого театра о том, что он возвратился из отпуска раньше – 15 сентября 1939 года.

Теперь мы знаем, что причиной до конца неиспользованного отпуска стала внезапно проявившаяся болезнь писателя. Поскольку основным симптомом заболевания было остро возникшее ухудшение зрения, то по приезде в Москву проводятся частые офтальмологические обследования. Больного осматривает профессор Страхов.